

УДК 316.344

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418

**МЕНТАЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
УСТРЕМЛЁННОСТЬ В БУДУЩЕЕ И СПОСОБЫ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ****MENTALITY OF THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN PROVINCE: ASPIRATION
FOR THE FUTURE AND METHODS OF ITS ACHIEVEMENT****Е.В. Реутов, М.Н. Реутова
E.V. Reutov, M.N. Reutova**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reutovevg@mail.ru, reggina77@mail.ru

Аннотация

В статье на основе данных социологического исследования проанализированы социально-адаптационные ценности, установки, практики и жизненные стратегии жителей российской провинции. Показано, что в наборе ценностей и аттитюдов довольно слабо выражены как практики, так и установки на профессиональную и производственную мобильность, наблюдается преимущественно прагматическая мотивация профессиональной деятельности, ориентация на стабильный, пусть и небольшой заработок в противовес рискованным финансово-экономическим стратегиям и практикам, уход в приватность и отказ от гражданской активности. Полученные данные свидетельствуют о доминировании консервативных жизненных стратегий, устойчивости социокультурных паттернов, диктующих необходимость максимального дистанцирования от власти и недоверия к общественным институтам. Вместе с тем, установка на территориальную мобильность и достаточно сильная выраженность предпринимательских ориентаций, хотя и являются косвенным маркером узости и проблемности региональных рынков труда, свидетельствует о наличии у значительной части населения адаптационного потенциала активного типа.

Abstract

The article analyzes social adaptation values, attitudes, practices and life strategies of residents of a Russian province based on data from a sociological study. It is shown that in the set of values and attitudes, both practices and attitudes toward professional and productive mobility are rather weakly expressed, there is mainly pragmatic motivation for professional activities, a focus on stable, albeit small, earnings as opposed to risky financial and economic strategies and practices; privacy and rejection of civic activity. The findings evidence the dominance of conservative life strategies, the stability of sociocultural patterns, which dictate the need for maximum distance from power and mistrust towards social institutions. At the same time, the attitude of territorial mobility and a rather strong severity of entrepreneurial orientations, although an indirect marker of the narrowness and problematic nature of regional labor markets, indicates that a large part of the population has an active adaptation potential.

Ключевые слова: ментальность, провинция, жизненные стратегии, горизонт планирования, профессионально-трудовая мобильность, территориальная мобильность, гражданская активность

Key words: mentality, province, life strategies, planning horizon, occupational mobility, territorial mobility, civil activity

Введение

Понятие «провинция» очень богато смыслами. В буквальном переводе с латинского *provincia* – «подвластная территория» – оно может обозначать административно-территориальную единицу государства, рассматриваться в географическом, социальном или культурологическом контексте. Как правило, под провинцией понимается совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного (культурных) центра государства и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений. С провинциализмом в политических и социальных отношениях очень часто связывается нечто отсталое, архаичное, несовершенное, а провинциальное общественное сознание наделяется такими качествами, как несамостоятельность, бессубъектность, внешняя управляемость, патернализм, фетишизм в отношении иерархий и мнения окружающих и пр. Такого рода «вторичность», несамостоятельность провинции в значительной мере обусловлена особенностями политической конструкции общества, в которой центральная власть обладает безусловным приоритетом. В.Б. Звоновский отмечает, что «под влиянием внешних факторов и целенаправленных действий государства российская провинция долгое время оставалась неполной провинцией, социальной периферией, центр которой находился в столице государства – Москве» [Звоновский, 2003, с. 85]. Однако и современные практики политического управления России, несмотря на закрепленные в Конституции федерализм и де-юре независимое от государственной власти местное самоуправление, зачастую связаны с жестким контролем, а то и подавлением любых признаков эмансипации локальных общностей. С.Г. Кордонский с соавторами пишут об аксиологической и методологической позиции политических элит, «при которой страна рассматривается как объект подражательного реформирования, а не как самобытная и в значительной степени самодостаточная реальность» [Кордонский, 2011, с. 5].

В научных, в том числе, социологических публикациях, посвященных жизни российской провинции, в настоящее время обращается внимание на то, что понятие «провинция», как и ее производные, «все чаще используется как концепт, маркирующий культурные особенности. Становится «модным» искать местную идентичность и обустраивать культурную жизнь у себя на малой родине» [Великая, 2016, с. 16-29]. Т.А. Рассадина при всей спорности подобного тезиса пишет о том, что «сохранение проявлений коллективизма и добрых человеческих отношений в стихийной общественной практике... стало одним из факторов стабилизации общественной жизни в провинции» [Рассадина, 2004, с. 61].

Разделение социального и культурного пространства России на «центр» и «провинцию» при всей условности этой аналитической операции позволяет лучше понять разломы и неравенства российского общества, в основе которых лежат не только экономические, природно-географические, но и ментальные факторы. Действие ментальных (от лат. «mens» и «mentis» – ум и мышление соответственно) факторов проявляется на уровне базовых ценностей и паттернов (когнитивно-эмоциональных конструкций) индивидуального и коллективного сознания, определяющих отношение к действительности и формирующих определенный тип социального поведения. Эти ценности и паттерны в значительной степени определяют образовательные, профессиональные, гражданско-политические, брачные, репродуктивные, потребительские, досуговые стратегии и практики, и наряду с социальным контекстом, формируют образ жизни индивидов, способствуют или препятствуют достижению ими жизненного успеха. Те или иные конфигурации паттернов могут определять степень экономической активности индивида, его гражданскую позицию, объем человеческого и социального капитала и, следовательно, позиции в системе распределения социально значимых ресурсов (богатства, власти, информации и пр.). Феномен мен-

тальности состоит не только в соотнесенности ее с сознанием (массовым или индивидуальным), но, прежде всего, в том, что она представляет собой те его глубинные элементы сознания – ценности и стереотипы (или «архетипы», если пользоваться юнговской терминологией) [Грошев, 2005, с. 203-204]. Ментальность представляет собой пространство взимовлияния, с одной стороны, социоструктурных и институциональных характеристик социума и, с другой – индивидуальных ценностей и ориентаций: «существует фактически двусторонняя связь между институтами как структурами общества и индивидами как носителями ментальных моделей» [Шабунова, 2017, с. 66].

А.З. Баглиева в структуре ментальности выделяет такие базовые компоненты, как константы, стереотипы и «картину мира» [Баглиева, 2009]. Л.Ф. Малиновский операционализировал ментальность в параметрах способа восприятия мира, глубины восприятия, преобладания тех или иных интересов, норм взаимодействия хозяйствующих субъектов (равенство/неравенство при взаимодействии), стереотипов взаимоотношений общества и индивида (самостоятельность или коллективный характер решения задач), стереотипов потребления (престижное, демонстративное поведение или психология прожиточного минимума) [Малиновский, 2015]. Т.З. Адамьянц, характеризуя процессы коммуникации, вводит понятие «социоментальный», характеризующее «особенности ориентирования в социокультурной среде, выражающиеся в степени понимания интенциональности коммуникатора (автора), умении адекватно доносить собственные мотивы и цели при общении и взаимодействии, с учетом социального фона, исторических, политических, социокультурных и других реалий и тенденций в их динамике» [Адамьянц, 2015].

В работах зарубежных исследователей доказывается наличие определенной связи между доминирующей в обществе моделью ментальности и основными производственными и дистрибутивными моделями [Uskul, 2011; Uskul, 2008]. Используя категорию экономической ментальности и рассматривая ее как неформализованный институт экономики, Г.С. Цветкова подчеркивает ее роль в дифференциации экономического развития регионов России [Цветкова, 2010].

Целью данной работы является социологическая диагностика социально-адаптационных ценностей, установок, практик и стратегий жителей российской провинции, необходимая для понимания сущности провинциальной, а по большому счету, модальной российской культуры.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в мае-июне 2018 года в Белгородской и Воронежской областях (N=1200 респондентов) под руководством авторов. Выборочная совокупность формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. Полученные в ходе авторского эмпирического исследования данные обрабатывались при помощи программного продукта Vortex-10 и группировались в соответствии с набором социально-демографических характеристик респондентов.

Помимо результатов авторского социологического исследования, были использованы данные всероссийских опросов Левада-Центра, посвященных горизонту планирования будущего россиян.

Основные результаты

Неопределенность и противоречивость социальной динамики – как в глобальном, так и в национальном масштабе, нашла выражение в концепциях общества риска [Бек, 2000], социальной турбулентности [Urqu, 2011; Яницкий, 2011], метаморфоз как непредсказуемых социальных эффектов тех или иных общественных процессов [Кравченко, 2017], глобальной дезорганизации [Lash, 1987]. В работах З. Баумана, проникнутых социальным пессимизмом, красной нитью проходит описание «чувства ненадежности и ощу-

щения неопределенности, подрывающих уверенность человека в себе» [Бауман, 2005, с. 29] – производного от вышедшей из-под контроля глобализации. В последней работе З. Баумана «Ретротопия» идея о невозможности более оптимистического взгляда в будущее обосновывается распадом социальных связей, тем, что «мы оказались в условиях войны всех против всех не из-за отсутствия ужасного Левиафана, а вследствие со-присутствия многочисленных, слишком многочисленных больших, маленьких и крошечных Левиафанов» [Bauman, 2017].

Безусловно, не следует редуцировать повышение рискогенности и неопределенности социальных процессов исключительно к негативным эффектам. Но, вне зависимости от позитивного или негативного характера коннотаций неопределенности и риска в массовом сознании, следствием их влияния на ментальность является приближение горизонта планирования, вымывание долгосрочных стратегий из жизненных миров человека. Результаты мониторинга Левада-Центра свидетельствуют, что за последние почти 30 лет измерений горизонт планирования своего будущего на перспективу 5-6 лет и более был свойствен максимум пятой части россиян (21% в 2016 году). Минимальное же значение данной ориентации составляло 5% (в конце 1991 года – на фоне крушения СССР). В настоящее время (октябрь 2018 года) такой горизонт планирования признают за собой 15% респондентов. И наоборот, очень велика была и есть доля граждан с противоположными ориентациями, не задумывающихся о том, что с ними будет даже в ближайшие месяцы. Ее минимальное значение за весь период измерений составляло 37% – в 2016 году, который оказался самым благоприятным для долгосрочных жизненных стратегий, максимальное фиксировалось в декабре 1991 года – 63%. В настоящее время доля респондентов, живущих исключительно сегодняшним днем, составляет 46% – почти половина выборочной совокупности [Горизонт планирования..., 2019].

Результаты нашего исследования, несмотря на некоторые отличия в инструментари, также указывают на то, что «длинные» жизненные стратегии являются исключением из всей модели планирования своего будущего. Если, в соответствии с данными Левада-Центра, из всех россиян свое будущее на перспективу 5 лет и более могли планировать 15%, то по результатам нашего опроса, планирование своего будущего от 6 лет и более декларировали 11,2%. То есть данные оказались вполне сопоставимы. Если детализировать ответы респондентов, то долгосрочный (более 10 лет) горизонт планирования оказался свойствен лишь незначительному меньшинству опрошенных – 6,3%, и еще 4,9% планируют свое будущее на срок от 6 до 10 лет. Преобладающими вариантами сроков планирования являются 1-2 года (именно на столько лет планируют свое будущее 24,9% респондентов), либо полное отсутствие планирования, жизнь «сегодняшним днем» (21,6%). На срок менее года планируют будущее 18,4% опрошенных, на 3-5 лет – 18,1%.

Казалось бы, близость горизонта планирования и стремление к жизни «сегодняшним днем» предполагает высокий уровень социальной мобильности, активный поиск лучшего применения своих ресурсов и склонностей. Однако в ходе исследования выяснилось, что слабая выраженность «длинных» жизненных стратегий сочетается с достаточно низким уровнем трудовой мобильности и, что еще важнее, с не очень большим желанием менять траекторию своей профессионализации.

Большинство населения – фактически две трети выборочной совокупности (65,6%) – либо не имеет опыта смены места работы (часть, безусловно – в силу молодого возраста), либо крайне редко (реже, чем раз в 10 лет) прибегало к данной практике. И, напротив, активный трудовой поиск (с периодичностью хотя бы раз в 2-3 года и чаще) свойствен лишь десятой части (10,1%) опрошенных.

Таким образом, в российской провинции не сложились устойчивые социокультурные паттерны, но также, по всей видимости, и объективные условия, для трудовой мобильности – активного поиска людьми наилучшего применения своей квалификации и профессиональных амбиций.

Еще менее активными являются практики, ориентированные на изменение профиля профессиональной деятельности. Здесь также подавляющее большинство респондентов

(75,8%) либо не меняло род занятий в течение жизни, либо эта смена происходила крайне редко (реже, чем раз в десять лет). Активную позицию в данном отношении (смена рода занятий раз в 2-3 года или еще чаще) занимают всего 8,1% опрошенных.

Таким образом, реальные практики профессиональной мобильности свидетельствуют о доминировании консервативных жизненных стратегий у подавляющего большинства жителей российской провинции.

Отсутствие желания к смене профессии, рода занятий обусловлено, прежде всего, удовлетворенностью своей профессией, содержанием трудовой деятельности (55,1% от тех, кто не хочет менять свою профессию) и, в гораздо меньшей мере, внешними причинами – узостью рынка труда в регионе и невозможностью найти занятие лучше (21,0%). Однако в целом по выборке удовлетворенность своей профессией декларируют всего лишь четверть (24,9%) опрошенных, и это является значимым фактором дестабилизации профессиональной культуры жителей российской провинции и чревато дальнейшими негативными явлениями на рынке труда. Экзистенциальные причины – неготовность к серьезным переменам в жизни декларирует небольшое количество респондентов – 11,8% от тех, кто не готов сменить профессию.

Основными мотивами перемены профессии, рода занятий являются низкая оплата труда (47,3% от изъявивших такое желание) и, в меньшей мере – отсутствие перспектив самореализации, раскрытия способностей (29,0%) и плохие условия труда (20,0%). Но если низкая оплата труда и является наиболее сильным дестабилизирующим профессионализацию фактором для занятого населения российской провинции, даже она далеко не всегда формирует готовность к смене рода занятий.

Таким образом, стабильность профессионального самоопределения граждан не так уж велика. При том, что значительная часть населения удовлетворена своей профессией, эта часть представляет собой меньшинство выборочной совокупности. Остальные же либо вынуждены мириться со своей профессией в силу отсутствия иных перспектив или неготовности кардинально изменить свою жизнь, либо стремятся к ее смене, либо находятся в состоянии неопределенности.

Важным показателем активных жизненных стратегий индивида является также территориальная мобильность как в ее реальном проявлении, так и в виде установок, принципиальной готовности к соответствующей практике. Результаты опроса в отношении территориальной (межрегиональной) мобильности показали, что противников переезда в другой регион на длительный срок (от 4-5 лет) либо навсегда не так уж много – всего четверть (24,8%) выборочной совокупности. Еще 10,3% опрошенных затруднились с ответом на вопрос.

Остальные респонденты признают свою возможность переезда в другой регион в силу тех или иных обстоятельств. Наиболее весомым мотиватором является выгодное карьерное предложение, значимое для 43,3% опрошенных. Таким образом, мы видим, что, несмотря на относительную малозначимость карьеры в системе жизненных приоритетов и критериев успеха, выявленную ранее, в реальных жизненных обстоятельствах профессиональные мотивы являются важными, поскольку значимы для выживания и поддержания достойного уровня жизни. На втором и третьем местах по значимости – потеря работы или отсутствие перспектив трудоустройства (20,7%) и вступление в брак (19,1%). Достаточно сильным мотиватором может стать также ухудшение социальной ситуации в регионе проживания (16,7%). Почти десятая часть опрошенных (8,9%) выражает готовность к переезду в другой регион в связи с получением образования.

О том, что установка на территориальную мобильность – не просто декларация, свидетельствуют и реальные практики населения. Почти трети опрошенных (30,1%) хотя бы раз в своей жизни приходилось менять регион проживания на длительное время или на всю жизнь. Чаще всего это происходило из-за поступления выгодного карьерного предложения (7,4%), для получения образования (7,3%), ухудшения социальной ситуации в регионе проживания (6,9%), потери работы, отсутствия перспектив трудоустройства

(5,8%). В 4,0% случаев указывались другие причины, наиболее распространенной из которых было вступление в брак.

Таким образом, информация о реальных практиках территориальной мобильности, полученная из первых рук, свидетельствует о том, что жители российской провинции обладают значительным потенциалом территориальной мобильности и, при наличии достаточно значимых мотиваторов, прежде всего, социально-экономического характера, готовы менять место жительства и регион проживания. При этом в какой-то мере парадоксально, что территориальная мобильность по частоте почти не уступает производственной. Если менять регион проживания хотя бы раз в жизни приходилось 30,1% выборочной совокупности, то место работы – ненамного больше (34,4%). На первый взгляд, это выглядит странным – получается, что практически каждая смена места работы была связана с переездом в другой регион, а значит исключается производственная мобильность внутри региона проживания. Однако объяснить это можно тем, что значительная доля случаев территориальной мобильности не была связана с трудовой и осуществлялась людьми, не вступившими на путь профессиональной деятельности (студенты) или завершившие ее (пенсионеры).

В числе активных жизненных стратегий, ориентированных на развитие и способствующих преодолению социального инфантилизма – установка на предпринимательскую деятельность. По данным опроса, этой установкой обладает почти треть (31,6%) выборочной совокупности, при том, что 5,0% респондентов уже являются предпринимателями. Отрицание такой жизненной траектории высказали 52,8% опрошенных. Остальные 10,6% затруднились с ответом. Несмотря на достаточно сложную экономическую ситуацию, предпринимательский потенциал населения российской провинции находится на относительно высоком уровне – особенно в молодежной среде, где установку на предпринимательскую деятельность демонстрируют 69,4% опрошенных, а 1,4% заявили, что уже являются предпринимателями. При этом реальный предпринимательский статус более выражен у респондентов 30-39 и 40-59 лет (7,3% и 7,6%, соответственно), но готовность к предпринимательству в данных группах демонстрируют лишь 33,3% и 21,3%.

Рассматривая в качестве значимого аспекта социальной самореализации граждан, изменения личной жизненной траектории и общественной ситуации гражданскую активность, респондентам был предложен вопрос «Если бы Вам предложили войти в состав общественного совета по оценке решений, принимаемых органами местной власти, и от Вас потребовалась бы реальная работа, согласились бы Вы или отказались?».

Оказалось, что даже в случае подобного гипотетического предложения лишь треть (33,6%) опрошенных согласилась бы на него. Половина же (51,2%) респондентов отказалась бы от такого участия. Ведущими факторами отказа граждан от участия в общественно-властных структурах является неверие в действенности такого участия (28,3% «отказников») и отсутствие у них необходимых знаний (25,4%). Другими значимыми причинами отказа является отсутствие времени (19,8%) и интереса к подобной деятельности (19,4%).

Таким образом, большинство жителей российской провинции не готово выйти за пределы приватной сферы и разделить социальную ответственность с местной властью и другими гражданами. Причины этого коренятся как в устойчивых социокультурных паттернах, диктующих необходимость максимального дистанцирования от власти и недоверия к общественным институтам, так и в негативном опыте, вытекающем из фиктивности местного самоуправления в российской политической практике.

Для диагностики ключевых диспозиций была также использована техника постановки закрытых вопросов-оппозиций, где между крайними вариантами ценностей или attitudes помещена пятибалльная шкала. Посредством данной техники диагностировались: 1) склонность к финансовым рискам; 2) ориентация на трудовую мобильность; 3) стремление к повышению уровня образования; 4) цель профессионализации; 5) значимость карьеры; 6) гражданская позиция.

В результате по признаку склонности к финансовым рискам выбор респондентов оказался немного смещен в направлении гарантированного, хоть и небольшого, заработка в противовес возможности зарабатывать много, но без всяких гарантий. Здесь и далее

сопоставлялись доля респондентов, выбравших крайние две позиции на шкале «слева» и две крайние позиции «справа». Доля респондентов, ориентированных на небольшой гарантированный заработок, составила 39,3 %, а тех, кто согласен рисковать ради больших денег – 26,8 %.

В ориентациях на трудовую мобильность преобладание получили консервативные стратегии. Доля тех, кто ориентирован скорее на работу на одном месте, составила 60,2% против 12,2 % сторонников частой смены места работы.

В дихотомии «жизненный опыт – образование» ориентация на первый оказалась несколько менее значимой (27,4%), нежели установка на повышение образовательного уровня (47,4%).

Такой мотиватор профессиональной деятельности, как зарплата, оказался преобладающим для 34,6% опрошенных, тогда как призвание выбрали 27,1 %.

Слабость карьерных притязаний продемонстрировали 26,6 % респондентов, их выраженность – 39,0 %.

Ориентация на приватную, семейную сферу жизни оказалась выражена заметно сильнее, нежели ориентация на гражданскую активность: 47,1% против 15,5 %.

Таким образом, применение инструмента дихотомических вопросов подтвердило доминирование в ментальности населения российской провинции консервативных стратегий и традиционалистских установок, «разбавленных» активистскими, востребующих такие качества, как гибкость и инициатива.

Доминирование консервативных установок в представлениях о личном будущем подтверждается и модальными трактовками жизненного успеха, в которых прослеживаются традиционалистские коннотации, ориентирующие человека, прежде всего, на приватность, частную жизнь, невмешательство, созерцательность.

Так, основным критерием жизненного успеха для жителей российской провинции является семейное счастье, значимое для 64,3 % опрошенных. На втором месте – материальное благополучие (41,5 %). Но этот параметр не свидетельствует ни в пользу традиционализма, ни в пользу достижительских, саморазвивающих ориентаций, поскольку стремление к материальному благополучию может отражать как желание человека занять некую самодостаточную позицию и замкнуться в удовлетворении своих материальных и иных потребностей, так и являться мотиватором к достижению новых статусных позиций и расширению спектра возможностей. Профессиональная самореализация, характеризующая жизненные ориентиры за пределами приватной сферы, декларируется в качестве критерия жизненного успеха четвертью (26,5%) респондентов. На тихую, спокойную жизнь ориентированы 14,8 % опрошенных – это в чистом виде «созерцатели», для которых внутреннее равновесие принципиально важнее отношений с социумом. Карьера, которую можно отнести к достижительским характеристикам, значима для 13,8 % опрошенных. К ним же следует отнести и мотивацию общественного признания, которая значима для 8,9 % респондентов. На последнем месте среди критериев жизненного успеха – яркие впечатления, значимые для 7,3 % респондентов.

Выводы

Таким образом, социологическая диагностика ментальности жителей российской провинции показала, что они остаются достаточно консервативными в своих ценностных ориентациях и жизненных установках, несмотря на изменчивость социальной ситуации последних десятилетий. Можно предположить, что консервации традиционализма в немалой степени способствовала интенсивная миграция наиболее активной части населения российской провинции в мегаполисы, а также за пределы страны. Даже тот факт, что само население исследуемых областей также в значительной степени формировалось из приезжих из других регионов, не сильно повлиял на модальные ценности и установки. В наборе ценностей и установок жителей российской провинции прослеживается слабая выраженность как практик, так и установок на профессиональную и производственную мобиль-

ность, прагматическая мотивация профессиональной деятельности, ориентация на стабильный, пусть и небольшой заработок в противовес рискованным финансово-экономическим стратегиям и практикам, уход в приватность и отказ от гражданской активности. Вместе с тем, установка на территориальную мобильность и достаточно сильная выраженность предпринимательских ориентаций, хотя и являются косвенным маркером узости и проблемности региональных рынков труда, свидетельствует о наличии у значительной части населения адаптационного потенциала активного типа. Однако доминирование «коротких» жизненных стратегий в массовых представлениях о личном будущем говорит о том, что этот потенциал, скорее всего, будет реализовываться в пределах крайне ограниченного спектра привычных социальных практик.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

Список литературы

1. Адамьянц Т.З. 2015. Социоментальные группы в социальном познании. Социологические исследования, 7: 117–125.
2. Баглиева А.З. 2009. Ментальность как научная категория. Социология власти, 1: 21–23.
3. Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., Логос: 390 с.
4. Бек У. 2000. Общество риска: На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М., Прогресс–Традиция: 384 с.
5. Великая Н.М., Хохлов А.А. 2016. Культурная интервенция в российскую провинцию: опыт социологического анализа. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 1 (69): 16–29.
6. Горизонт планирования будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/08/горизонт-планированија-будущего/> (дата обращения: 12.03.2019).
7. Грошев И., Юрьев А. 2005. Экономические преобразования и ментальность россиян: есть ли взаимодействие? Общество и экономика, 10–11: 192–221.
8. Звоновский В.Б. 2003. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты. Общественные науки и современность, 1: 78–89.
9. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. 2011. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). Мир России, 1: 3–33.
10. Кравченко С.А. 2017. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании. Социологические исследования, 10: 3–14.
11. Малиновский Л.Ф. 2015. Национальный экономический менталитет как общественный институт. Вестник МГОУ, 3: 24–29.
12. Рассадина Т.А. 2004. Нравственные ориентации жителей российской провинции. Социологические исследования, 7: 52–61.
13. Цветкова Г.С. 2010. Экономическая ментальность как неформализованный институт экономики. Вестник Марийского государственного технического университета. Серия: Экономика и управление, 2: 47–53.
14. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. 2017. Теоретико–методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2: 60–76.
15. Яницкий О.Н. 2011. «Турбулентные времена» как проблема общества риска. Общественные науки и современность, 6: 155–164.
16. Bauman Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
17. Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
18. Urry J. 1987. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press: 184 p.
19. Uskul A.K., Kitayma S. 2011. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction. *Annual Review of Psychology*, 62: 419–449.
20. Uskul A.K., Kitayma S., Nisbett R.E. 2008. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders. *Proceedings of the National Academy of the United States of America*, 105 (25): 8552–8556.

References

1. Adam'janc T.Z. 2015. Sociomental'nye gruppy v social'nom poznanii [Socio-mental groups in social cognition]. *Sociologicheskie issledovanija*, 7: 117–125.
2. Baglieva A.Z. 2009. Mental'nost' kak nauchnaja kategorija [Mentality as a scientific category]. *Sociologija vlasti*, 1: 21–23.
3. Bauman Z. 2005. Individualizirovannoe obshhestvo [Individualized society]. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M., Logos: 390 p.
4. Bek U. 2000. Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modern [Risk Society: Towards a Different Art Nouveau]. Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. M.: Progress–Tradicija: 384 p.
5. Velikaja N.M., Hohlov A.A. 2016. Kul'turnaja intervencija v rossijskuju provinciju: opyt sociologicheskogo analiza [Cultural intervention in the Russian province: the experience of sociological analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1 (69): 16–29.
6. Gorizont planirovanija budushhego [Future Planning Horizon]. Available at: <https://www.levada.ru/2018/11/08/gorizont-planirovaniya-budushhego/> (accessed 27 March 2019).
7. Groshev I., Jur'ev A. 2005. Ekonomicheskie preobrazovanija i mental'nost' rossijan: est' li vzaimodejstvie? [Economic transformations and the mentality of Russians: is there any interaction?] *Obshhestvo i jekonomika*, 10–11: 192–221.
8. Zvonovskij V.B. 2003. Rossijskaja provincija: massovoe soznanie i social'nye instituty [Russian province: mass consciousness and social institutions] *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 1: 78–89.
9. Kordonskij S.G., Pljusnin JU.M., Krashennikova JU.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Ahunov D.JE., Bojkov D.V. 2011. Rossijskaja provincija i ee obitateli (opyt nabljudenija i popytka opisanija) [Russian province and its inhabitants (observation experience and attempt to describe)]. *Mir Rossii*, 1: 3–33.
10. Kravchenko S.A. 2017. Metamorfozy: sushhnost', uslozhnjajushhiesja tipy, mesto v sociologicheskom znanii [Metamorphoses: essence, more complex types, place in sociological knowledge]. *Sociologicheskie issledovanija*, 10: 3–14.
11. Malinovskij L.F. 2015. Nacional'nyj jekonomicheskij mentalitet kak obshhestvennyj institut [National economic mentality as a public institution]. *Vestnik MGOU*, 3: 24–29.
12. Rassadina T.A. 2004. Nравstvennye orientacii zhitelej rossijskoj provincii [Moral orientation of the inhabitants of the Russian province]. *Sociologicheskie issledovanija*, 7: 52–61.
13. Cvetkova G.S. 2010. Ekonomicheskaja mental'nost' kak neformalizovannyj institut jekonomiki [Economic mentality as an informal institution of economics]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie*, 2: 47–53.
14. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. 2017. Teoretiko–metodologicheskie osnovy issledovanija mental'nosti i obuslovlennyh eju stereotipov povedenija [Theoretical and methodological foundations of the study of mentality and the resulting behavioral stereotypes]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2: 60–76.
15. Janickij O.N. 2011. «Turbulentnye vremena» kak problema obshhestva riska [“Turbulent times” as a problem of a risk society]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 6: 155–164.
16. Bauman Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
17. Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
18. Urry J. 1987. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press: 184 p.
19. Uskul A.K., Kitayma S. 2011. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction. *Annual Review of Psychology*, 62: 419–449.
20. Uskul A.K., Kitayma S., Nisbett R.E. 2008. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders. *Proceedings of the National Academy of the United States of America*, 105 (25): 8552–8556.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2019. Ментальность жителей российской провинции: устремлённость в будущее и способы его достижения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 410–418. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418

Reutov E.V., Reutova M.N. 2019. Mentality of the residents of the Russian province: aspiration for the future and methods of its achievement. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 410–418 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418